

★

Пятница, 27 сентября 1974 г.

...Я видел много очередей. Но в любой стране меня более всего поражали очереди безработных, пришедших за пособиями. Здесь можно было наблюдать мужчин, которые испытывали стыд. Чего же они стыдились? Того, что больше не работают, не зарабатывают себе на хлеб...

Они были в этом неповинны. Виновны они были лишь в том, что терпели глупо-народные последствия жестокого капитализма.

Они едва осмеливались смотреть вам в лицо. Редко разговаривали друг с другом. Именно эти очереди произвели на меня глубочайшее впечатление, и воспоминание о них меня преследует всю жизнь.

В Нью-Йорке, когда каждый день финансисты выбрасывались из окон с тридцатого или пятидесятого этажа, также встречались мужчины, люди образованные, гордящиеся своими знаниями и успехами. Они стояли где-нибудь в углу, тщательно протирая набалдашники своих тросточек. Хорошо пошитые костюмы пока выглядели на них элегантно, еще не изнасились. Но их лица уже были изношенными. Когда вы к ним приближались, они робко делали два-три шага вперед.

С этим мне приходилось сталкиваться и в Париже. Это было в сумерках на Елисейских полях. Мужчина средних лет, в черном элегантном пальто, словно приклеенный, стоял у ограды, залепленной киноафишами. Казалось, он кого-то ждет, но тревожные взгляды, что он бросал на прохожих, дали мне понять, что ждать ему некого. Да, он поджидал любого, безразлично кого, кто бы дал возможность ему и его семье поужинать.

Не хочу казаться лучше, чем я есть на самом деле. Но я инстинктивно вынул из бумажника банкноту в тысячу франков и вложил ему в руку. Он взглянул на меня, затем, не веря своим глазам, посмотрел на деньги, потом снова на меня и, не поблагодарив, потому что ему нечего было сказать, быстро пошел прочь по тротуару...

★

Воскресенье, 3 ноября 1974 г.

...Вчера вечером я видел по телевизору цветные фотографии, снятые братьями Люмьер в конце прошлого века. Многие из них выглядели, как настоящие картины импрессионистов.

Да, я родился в разгар увлечения импрессионизмом, и это оказало на меня влияние. Многие из великих художников этого движения еще были живы. В девятнадцать лет приехав во Францию, я мог бы еще встретить папашу Ренуара. Такой удачи мне не выпало, зато повезло стать другом троих его сыновей: Жана, кого я считаю своим братом; он крестный отец моего сына Джонни; Пьера, который первым сыграл в кино Мегрэ; Клода с ясными и наивными глазами, что по характеру остался ребенком.

Я завидую импрессионистам, как и пришедшим им на смену пуантистам. Они жили в мире света и знали секреты его отблесков на листве в барбизонском лесу или на лицах и телах обнаженных женщин.

Кажется, один из братьев Люмьер, умирая, произнес фразу, которую мне тоже хотелось бы произнести в последнюю минуту, но в моих устах она будет не совсем соответствовать истине: «Я хорошо развлекался».

И это верно. Эти художники действительно развлекались в том смысле, что полностью наслаждались природой, бликами солнца на речной или морской воде. У них не чувствовался никаких потуг интеллектуала, ищущего оригинальную форму выражения. Создается впечатление, что они рисовали так, как дышали и любили...

Я присутствовал на больших выставках Пикассо, где он показывал своих арлекинов, потом наблюдал его кубистические опыты, видел его натюрморты с гитарой, с коробкой из-под сигарет, с любимым предметом, который внезапно приобретал удивительную значительность.

Затем пришли экспрессионисты, особенно немецкие, за чьим творчеством я также следил.

После этого, может быть, потому, что я начал стареть, если не терять контакт с настоящим, меня больше не могла волновать живопись, я имею в виду современную живопись: мозаики всевозможных цветов, какие-то клетки, несколько пятен на белом холсте или же подобия иероглифов, начертанные, впрочем, с большим умением и вкусом.

Многие годы каждую неделю я посещал все картинные галереи Парижа. Однажды я почувствовал равнуюдушие к живописи и перестал это делать...

...Можно ли обнаружить следы импрессионизма в моем творчестве? Не знаю. Если они есть, то, значит, я, сам того не ведая, тоже занимался импрессионизмом. Ренуар и его друзья открыли мне важность атмосферы, солнца, темных или светлых облаков, дождя и снега, и это влияние воздействовало сегодня на целую психологическую и даже медицинскую школу, которая исследует воздействие погоды и света на психику, даже на физическое здоровье индивидов.

С 1929 года, то есть с первых романов о Мегрэ, я пытался согласовывать настро-

ния и реакции своих персонажей с цветом времени.

То, что я говорю о живописи, я мог бы сказать о музыке, скульптуре и — почему бы и нет — о литературе.

Я не проследил до конца развитие импрессионизма. Я спрашиваю себя, возможно ли в 72 года обрести восторги своей молодости по поводу той или иной формы искусства?

Разве мы, каждый из нас, не предназначены к тому, чтобы в течение определенного числа лет пропитываться искусством, а потом, словно пресытившись живописью или музыкой, становиться неспособными следовать по пути, какой очерчивают в них молодые?

Я не принадлежу к тем, кому не удается приспособиться к современной жизни. Совсем наоборот. В ней я чувствую себя превосходно. Сегодня я так же счастлив, как и тогда,

Жорж СИМЕНОН: Я напрасно бросил писать

«В глубине моей души живет чувство, которое побуждает меня приветствовать все, что приближает нас к миру будущего».

Эти слова Жоржа Сименона, которому 13 февраля исполнилось 75 лет, хорошо выражают смысл его жизни и творчества. Писатель-гуманист, чьи книги проникли к неподдельной симпатии и простому человеку, Жорж Сименон завоевал всемирное признание. Он автор, снискавший громадную популярность серии социальных детективов о комиссаре Мегрэ, создатель тонких психологических романов, летописец нравов буржуазного общества XX века.

Пять лет назад Жорж Сименон принял решение, поразившее литературный и читательский мир: он перестал писать романы. Но художник, всю жизнь посвятивший, говоря его словами, «поиску человека», не способен молчать. Уже несколько лет Жорж Сименон работает над огромным произведением (он диктует его на магнитофон), где рассказывает о своей жизни, которая была необыкновенно насыщена событиями и встречами с выдающимися людьми нашего столетия. Эта книга содержит раздумья писателя о творчестве, о политике, человеке и обществе, о жизни и современной эпохе. Опубликована семь книг этих своеобразных «устных мемуаров» (по сообщениям печати, Жорж Сименон надиктовал уже двадцать томов). Сегодня мы печатаем фрагменты из третьего тома, озаглавленного «Простые люди».

когда открывал Гогена, Ван Гога или Синьяка.

Но я продолжаю смотреть на дерево, кусты, меняющийся облик какого-нибудь интерьера так же, как смотрел на них в 20 или 30 лет.

Я не сожалею об этом. Напротив. И не хвастаюсь этим. Может быть, это слабость. Но это слабость, которая мне дорога, и сегодня я чувствую, что буду весь день носить в себе столь лучезарные и ободрающие образы, которые прошлую ночь сопровождали меня во сне.

★

Вторник, 12 ноября 1974 г.

В это воскресенье, как и в предыдущее, я смотрел передачу, посвященную импрессионистам. Это была вторая часть цикла о Моне. Насколько первая привела меня в восторг до такой степени, что всю ночь, в полусне, передо мной проплывали эти картины и образы, настолько передача в последнее воскресенье, рассказывающая о второй половине жизни художника, привела меня в недоумение.

Целых два дня я пытался уяснить причину этого, но полностью мне это не удалось.

Предшествующее воскресенье я видел относительно молодого Моне, неистового, полного необыкновенного энтузиазма в отношении света, солнечных бликов, природы, которую он, казалось, передавал в ее целостности.

В последней передаче Моне предстал уже достигшим славы, он купил или построил себе огромный дом под Парижем. Он отпустил белую бороду; у него начинают болеть глаза. Чуть позднее Моне удалили катаракту, и он остался с одним глазом. Примерно в 75 лет художник начинает работать над серией своих «Лилий», которую многие относят к его шедеврам.

Не стану утверждать, что я разочарован этими «Лилиями». Напротив, я восхищаюсь и завидую Моне, что он в таком возрасте смог завершить столь колоссальное творение, потому что он работал над ним, если не ошибаюсь, до 85 лет, то есть до самой смерти.

Ренуар также трудился до последнего дня.

Все это напомнило мне статистику, что, не помню где, я прочел несколько лет назад. Она показывала, что с самых отдаленных эпох живописи, скульптуры и литературы, основополагающие творения создавались стариками. Тициан на девятом десятке жизни нарисовал ряд своих самых замечательных картин, работу над которыми не осмелился бы начать ни один молодой художник. «Я не говорю о второй части Фауста» Гете. Множество других имен я опускаю.

Но я остаюсь при мысли, что возраст, более зрелый, чем старость, еще способен породить шедевры.

Сегодня мы главным образом разыскиваем у художников — фовистов или экспрессионистов — вещи, что именуются произведениями их первой манеры, а работы, возникшие в зрелом возрасте, остаются если не забытыми, то все-таки менее ценными.

Именно это смutilo меня в передаче о Моне, я хочу сказать во второй передаче о картинах его старости.

Разумеется, я восхищаюсь «Лилиями». Но люблю ли я их так, как его картины раннего периода? Не являются ли они своего рода отражением мании художника, я чуть было не сказал, его старческой мании?

Разве художник, чьи картины родились из несдерживаемого восторга перед природой, не уступил место человеку, который постепенно превратился в своеобразного теоретика творчества?

И тут я сразу же почувствовал себя ущемленным. Я тоже почти полвека работал, говоря языком импрессионистов, над определенным мотивом, и мои романы создавались почти помимо меня.

Подобно Моне я всегда пытался упрощать, концентрировать свои впечатления, устранять ненужное, снимать анекдотичность. Потом, незадолго до 75 лет, мне показалось, что я способен пойти глубже лишь тогда, когда пожертвую своим здоровьем.

И я бросил литературу, хотя уже составил план нового романа. Я не только прекратил писать романы, но и порвал также с той жизнью, которую требовала эта деятельность...

Думая о больших художни-

ках, которых я знал и которые почти все дожили до глубокой старости, я замечаю, что все они полностью отдавались творчеству. Ничто иное их не интересовало...

Смотря передачу о Моне и его «Лилиях», я вернулся назад. В 70 лет я решил больше не писать романы. В сущности, из-за страха. Смутно я ощущал, какой ценой заплачу за свое будущее творчество. Я знал, что продолжать создавать персонажи, стараться их оживить, носить их в себе долго до того, как расскажу о них на бумаге, представляет собой своего рода самоубийство.

В глубине души я, наверное, больше любил жизнь, чем собственное творчество. И все-таки я отдавал почти все свое время творчеству. Сначала я писал 6 романов в год, потом — 4, далее — 3. Но так как они становились все насыщеннее, по крайней мере с моей точки зрения, они постепенно меня пожирала.

Действительно ли мне нравятся «Лилии»? Разве, говоря откровенно, а не из-за зависти, я не задавал себе вопроса: а что, если это произведение человека, пораженного старостью?

Вероятно, я неправ, потому что «Лилии» почти повсюду считаются шедевром Моне.

Если это так, то я напрасно бросил писать романы. Может быть, мне тоже удалось бы написать свое главное произведение? Не трусовость ли с моей стороны, что прежде всего я хотел жить? Никто, даже я сам, не может ответить на этот вопрос.

И все-таки я по-прежнему испытываю потребность выражать себя. Но выражать другим способом, противоположным роману, то есть искать в самом себе то, что принадлежит просто человеку.

Именно этим я и продолжаю заниматься, не забывая о создании литературных произведений, не забывая о том, прочту ли меня и поймут.

Тем не менее я испытываю некоторый стыд. Разве не оказался я своего рода дезертиром? Был бы я способен, если продолжал работать, написать в один прекрасный день свою большую книгу, произведение, создать которое меня побуждали столько критиков, даже если бы я умер назавтра после его завершения или, подобно Ван Гог, оказался в сумасшедшем доме?

Разве, в простоте, я не веду себя как простой человек, который, будучи осторожным, решил экономить свои силы подобно тому, как множество других людей экономят свои деньги?

Перевел с французского
Л. ТОКАРЕВ.